

Кто сказал, что Крайний Север обделён природой, что он безжизнен и некрасив? Тот, значит, и не видел его. Суров – да, но вместе с тем и трогательно беззащитен во всей своей ранимой красоте перед напором человека. Присмотритесь, здесь неповторимые осенние краски, незабываемый зимний пейзаж, ароматная летняя тундра и – как маленькое чудо – весёлое птичье пение.

ОСЕНЬ? ЗИМА?

Ранняя зима. Непонятная погода. Столбик термометра вот уже две недели прыгает то вверх, то вниз – того и гляди сломается. Или вдруг замрёт на нулевой отметке.

Мечется погода меж двух красавиц: то с ягодными рубинами да осенним золотом расставаться не желает, то вдруг серебро да алмазы матушки зимы ей подавай. Знает ведь, что в одном сундуке не держатся сокровища природные, а всё одно норовит по-своему сделать. И осень не отпускает, и зиму в гости заманивает...

Падают плавно снежинки. Выглядывает ненадолго из-за тяжёлых туч робкое заполярное солнышко. Я иду по расчищенному тротуару и чувствую, что спине стало тепло. «Неужто солнце пригревает?» – удивляюсь по северной привычке. Достая из кармана руку и поворачиваю ладонь к солнцу. Чувствую, что благосклонное светило протянуло свой лучик и поздоровалось со мной. «Приветик», – улыбаюсь в ответ. Хочется хоть немного погреть замёрзшие щёки и нос. Но как только я разворачиваюсь и поднимаю лицо к небу, вижу, что хищная туча уже успела проглотить полсолнца. Мгновение, и вокруг стало хмуро и неприветливо.

Вздыхаю и иду дальше. Неожиданно замечаю, что кусты до сих пор стоят в накидках из пушистого инея. Вот именно – до сих пор. Прошло больше недели как веточки нарядились, а иней

всё ещё держится. Хотя, обычно он пропадает быстро и всегда незаметно. Интересно, в чём же дело?

Прохожу мимо городского оврага, уютно расположившегося вдоль длинных пятиэтажек. В самой низине живописно смотрятся низкорослые берёзки. Нет, здесь что-то не так. Кусты почему-то не белоснежные, а с сероватым оттенком и кажутся издали полупрозрачными. словно невидимый художник-волшебник стёр чёткие очертания веток и нанёс на снежный бархат еле видимыми серыми красками призрачную растительность. Получилась очень необычная, мерцающая картина. Такое не часто можно увидеть.

С ощущением неразгаданного оглядываюсь по сторонам и вижу, что так воздушно выглядят не только те кусты, что растут в овраге, но и те, что стройными рядами обрамляют с обеих сторон проезжую дорогу. Хочется подойти к такому волшебному кустику, дотронуться до него и убедиться, что он настоящий. Но мешают приличной высоты сугробы и стесняют прохожие. Однако, любясь изящным художеством, я медленно двигаюсь вперёд.

«Нет, это просто невозможно. Какое мне дело до прохожих?» – бунтует во мне любитель природы. Шаг в сторону – я в сугробе. Высоко поднимая ноги, словно цапля в болоте, пробираюсь к понравившемуся кусту. Ну, что тут у нас волшебного? Ага, всё понятно. Некогда пушистый иней почти превратился в лёд. Белоснежный цвет исчез, а под слоем ещё не до конца сформировавшегося льда проглядываются тоненькие веточки.

Неужели всё так просто? Конечно – нет! Если бы погода не была столь капризна и своенравна, мне бы не удалось увидеть эту необычную картину. Вытаскиваю свой сотовый и включаю режим фотоаппарата. Рисовать не умею, так хоть сфотографирую на память капризы нашей погоды.

...Ну, что там сегодня термометр показывает? Ноль градусов. Неужели сломался?!

ЗЕМНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Ранним студёным утром – тишина. А потому что выходной, вот и тишина вокруг. Медленно выползают из дворов редкие машины, сонно мигая поворотниками. В снежных накидках, они тихо урчат моторами и иногда чихают, застудив, видимо, свои карбюраторы-аккумуляторы морозной ночью.

Я шагаю по узенькой тропке, утопающей в волнистых сугробах и стараюсь сохранить равновесие, чтоб не сесть, невзна-

чай, где-нибудь тут же. Но вот перед глазами возникают удивительно пышные кусты, возвышающиеся над снежной гладью. Я останавливаюсь и с восхищением созерцаю неземную красоту... Пойдите. Как – неземную? Очень даже земную!

Ветки кустов печально склонились под гнётом снежной одежды. Каждую веточку окутывает иней такой толщины, что, кажется, ещё немного и взмахнёт – ну, например, – вот эта ива своими гибкими ветвями, скинет разом тяжёлый серебряный наряд да вздохнёт неслышно, радуясь необычайной лёгкости. Но нет, не встряхиваются веточки. Покорно стоят кусты в сверкающих алмазным блеском шубках.

Морозец-мальчишка ущипнул меня за нос, и я, очнувшись, двигаюсь дальше. Ой! Равновесие куда-то исчезает, и я всё же таки плюхаюсь в мягкий сугроб. Хм... Надо же, как красиво смотрится мятлик, охваченный бархатным инеем. Словно пёрышко страуса, живущего в снежной сказке. А это что за три одинаковые кочки стоят: будто от меня кто-то под снегом спрятался? Похоже на гномов, собирающих серебряные звёздочки.

«Кар-р-р!», – прокричала ворона над самым ухом, а за ней и сорока растрецалась. Смешно им, видите ли, что я на пеньки заснеженные смотрю. В самом деле – нечего рассиживать. Поднимаюсь, иду дальше. С окраины города выбираюсь на главную улицу, но и здесь не перестаю засматриваться на дивную красоту земного происхождения...

МИНУС 50 ГРАДУСОВ

Ух, какой мороз стоит на улице. Да нет, не тот, что с мешком подарков и в красных рукавицах, а другой – невидимый глазу. Который окошки без разрешения разрисовывает, а всем нравится – красиво. Который стоять на улице не велит, – и все бегут домой, пьют горячий чай и покрякивают: «Эх-х, хорошо!». А если кто из детей вдруг простудится, то и вовсе красота: «Мишенька, вот тебе малина», «Сонечка, завтра в школу не пойдёшь». Но уж, коль рассердится этот мороз-невидимка, то и его увидеть появится возможность ...

Уже третий день под минус 50 градусов.

Разошёлся старик Морозович не на шутку. Холодно – не холодно, а в магазин идти надобно. Прячусь в пуховик, пимы, тёплые варежки и смело выхожу на улицу. Да только смелости той ненадолго хватает: лицо уже через минуту тепла требует. Спешно накидываю капюшон с меховой оторочкой и затягиваю

шнурочки так сильно, что узел приходится под самым носом. «Нет, – думаю уже через секунду, – надо посильнее завязать». Открытыми остаются только глаза. Хи-хи, вот бы на себя в зеркало посмотреть. Навстречу попадается мужчина, укутанный и завязанный так основательно, что и глаз не видно. Он-то уж точно про зеркало не думает.

«Ой!», – ёжусь я от холода и ускоряю шаг. Морозная дымка заволокла улицы и расплзлась по дорогам. Тёплый воздух тонкими столбиками поднимается вверх над крышей каждого дома. Кажется, что во всех пятиэтажках жильцы затопили печки, сидят себе и греются.

Макушка телевышки потерялась в клубах студёного тумана: не видать красных сигнальных огоньков. Да что там огоньки, если автомобили пробираются сквозь вязкую ледяную завесь с включенными фарами. Но Морозычу этого мало, ему ещё поразвлечься хочется. Тюкнет своим посохом по двигателю, тот враз и заглохнет. И радостно седобородому, что ещё одна машина на обочине осталась.

Я ругаю про себя холод и перехожу на лёгкий бег. Внезапно мне показалось, будто справа промелькнуло чьё-то злое лицо. Резко поворачиваю в эту сторону голову и хмыкаю над собой. Рядом плывёт плотный сгусток пара. Взмахом руки распыляю его, чтоб больше не пугал меня и бегу дальше. Это всё его проделки, стариковские. Продолжает забавляться, злюка-морозюка.

Ни голубей, ни собак, ни кошек. Все спрятались по тёплым уголкам. А кто же тогда поскуливает? Оглядываюсь по сторонам и вижу дворняжку, прижавшуюся к двери подъезда. Что ж ты так, не успела спрятаться? Собака дрожит всем телом, грустная морда до ушей побелела от морозного пара, будто маляр по ней известью прошёлся. Она сразу понимает, зачем я открываю входную дверь и, благодарно вильнув хвостом, влетает в спасительное тепло. А где ещё ей можно погреться в такую погоду?..

Ай-яй-яй, как тебе, дедушка Мороз, не стыдно в таком почтенном возрасте кусаться? Чай, не маленький уже, а за мизинец даже через варежку успел тяпнуть. Ну, ничего, я домой как прибегу, как чайник поставлю да вытащу варенье морозковое, а тебя в гости-то не позову, уж не обижайся.

Ну-ка, что там в интернете про погоду пишут? О-о, видно, Морозычу у нас в городе нравится. А и ладно, нам не привыкать, воркутинцы – народ морозоустойчивый. Зато мы умеем по-настоящему радоваться первому солнечному лучу!

В это лето я снова остаюсь в Воркуте. Сначала хотела расстроиться, погрузиться, да не в моих это правилах. Сижу, значит, я в кухне и островки не до конца растаявшего июньского снега из окна созерцаю. А в голове бодренькие такие мысли крутятся, вроде: «Не нужен мне берег турецкий...».

В самом деле, думаю, можно и без моря обойтись. Тем более, последние впечатления от черноморского побережья не слишком-то приятные остались: синее море грязновато, доступное жильё дороговато, погода непривычно жарковата (если не сказать больше), а вот денег – маловато!

В открытую форточку помимо тёплого ветерка и ночной тишины влетают встревоженное чириканье и взбалмошное сорочье стрекотание, вперемешку с другими резкими звуками. Что за птички разборки посреди ночи? Выхожу на балкон.

Вижу картинку из рубрики «Эти смешные животные». Неподалёку от лужи валяется тряпица синего цвета. С одной стороны тряпки суетятся сороки, с другой – независимо прохаживаются чайки. Над ними кружится стайка воробьёв. О, да у них там настоящий делёж происходит.

Одна из чаек ухватилась клювом за краешек тряпки и нагло потащила в свою сторону. Возмущённые сороки громко и дружно затрещали, вцепились в свой край и потянули на себя. В ответ истошно завопили остальные чайки и бросились помогать своей подруге перетягивать «ценный» предмет. Успех был то на одной стороне, то на другой. И хитрые воробьи сначала на стороне чаек чирикают, а потом вдруг к сорокам перелетают, чтобы их поддержать. Шум стоит на весь двор. В итоге, «ценность» оказалась в луже, и птичий интерес к ней пропал.

Снова тишина.

Выхожу погулять и направляюсь в сторону старой железной дороги. Очень мне нравится, не торопясь, по рельсам прохаживаться. А в такую-то погоду и вовсе дома не усидеть.

Не беда, что ночь на дворе. Солнце полярное не смотрит на часы, светит – не устаёт. Надоевший за день шум города в это время не заглушает естественные звуки природы: слышно негромкое птичье посвистывание, перешёптывание молоденькой листвы с тихим ветерком... И всегда во время летних ночных прогулок по тундре меня обволакивает некая таинственность. словно я прихожу в гости в неположенное время, но меня не выпроваживают, а разрешают побыть здесь. Хозя-

ева занимаются своими делами, не обращая на меня никакого внимания.

Вон деловито перебирает лапками старую траву воркутинский хомячок – лемминг. Глянул только на меня и дальше работает. А чего ему бояться? Я в гостях себя прилично веду.

Но кто это прожужжал над ухом? А-а, шмель решил ночью проверить, насколько увеличились его цветочные плантации. Лениво так летит, сонно... В солнечных лучах веселится мошкара. А ну, брысь отсюда, малявки. И эти не боятся! Как же, их вон сколько, а я – одна.

А вот и Варежка откуда-то прибежала – это наша дворовая собака неизвестной породы. Вообще-то, дети её по-разному кличут: Шарик, Дружок, Пушинка. Мне больше нравится – Варежка. Чего хвостом виляешь, есть хочешь? Идём, собака среднего рода, покормлю. Я шагаю по неравномерно расположенным шпалам, любимец детворы трусит чуть впереди...

Ну и пусть я снова остаюсь здесь на всё лето. Зато не буду нервничать где-нибудь там, на юге: «Ещё только десять часов вечера, а уже такая темень!!! Вот у нас в Воркуте...»

РАЗГОВОР С ТУНДРОЙ

Обожаю гулять по летней тундре. Вот и сегодня: беру с собой пару бутербродов и отправляюсь побродить по любимым местам.

Город позади. Один шаг – и я вне цивилизации.

– Здравствуй, красавица, – приветствую я зелёный простор, чуть касаясь кончиками пальцев отцветающих купальниц.

– Здравствуй, – шелестит в ответ листва. Ветки покачиваются, как бы приглашая меня пройти дальше. Воздух необыкновенный! Вспоминаю, как собирая боровики в изумительном подмосковном лесу, по привычке хотелось вдохнуть аромат тундры, а его не было.

Запах тундровый – особый! Карликовая берёзка, кустарнички голубики и брусники, ягель, можжевельник, россыпь ярких цветов... От всей растительности исходит непередаваемый аромат тундрового лета.

– Осторожно! – преградил мне путь куст шиповника.

– Что такое? – останавливаюсь я.

– Смотри внимательней, – хитрит колючка.

Сначала ничего не вижу. Затем замечаю в траве какое-то движение. Наклоняюсь к земле и вижу...

– Лягушка? В самом деле – она! – радуюсь я.

– Никогда лягушек не видели? – квакает недовольно зелёная и отпрыгивает подальше от меня.

– Видели, только не в тундре, – виновато оправдываюсь и пытаюсь словить её, чтобы рассмотреть.

Квакушка ма-а-аленькая такая, тем не менее не слишком-то меня боится и даже разрешает поймать себя. Терпеливо посидев некоторое время на ладошке, она, в конце концов, спрыгивает с неё и прячется в траве.

– Хватит лягушек рассматривать, лучше глянь во-он в ту сторону, – прошелестела мне тонкая берёзка.

Поворачиваюсь в указанном направлении и замечаю стрекозу, зависшую над журчащим ручейком. Осторожно подбираюсь ближе. Спинка стрекозы переливается сине-зелёным неонном, посвёркивает под солнечными лучами. Она, в отличие от лягушки, не даёт мне вдоволь налюбоваться своим нарядом.

– Приходи в другой раз, я к подружке тороплюсь, – прострекотала модница и исчезла так быстро, что я не успеваю заметить, куда она умчалась. Да уж, одно слово – стрекоза.

Взгляд плавно скользит по холмистой поверхности, выхватывает над равномерно растущими кустарниками одиноко возвышающиеся тут и там хрупкие станы берёзок; неожиданно взмывает ввысь и цепляется за быстрое облако; покатавшись в своё удовольствие, взгляд, наконец, упирается в бело-коричневую гряду древних гор. Полагаю, каждый воркутинец думал о том, как обманчиво это видение: кажется, вот они, горы-то, ан нет – ехать и ехать до них...

Вновь перемещаю свой взор на кусты и травы, до которых можно дотронуться рукой. Впереди, закрывая тропинку гибкими веточками, раскинулся куст ивы.

– Проходи, проходи, – гостеприимничает ива, – у нас как раз свадьба идёт.

– Свадьба? – удивляюсь я и, аккуратно отодвинув веточки-прутики в сторону, выхожу к полянке, густо заросшей цветами.

– Да где ж оно, празднество ваше? – спрашиваю и сразу замираю на время от увиденного.

В воздухе, пронизанном тонкими золотистыми ниточками, резвятся бабочки – белые, фиолетовые, коричневые, с разными узорами на бархатных крылышках. Они то разлетаются по полянке, прячутся среди листьев мятлика или сливаются с колокольчиками, то, вспорхнув все разом, снова слетаются в стайку и начинают кружиться в бесшумном танце. Но вот уже бабочки

не танцуют, а порхают в кружочке, словно на карусели. И снова – раз! – и рассыпались по поляне. В самом деле – свадьба.

– А кого поздравлять-то? – спрашиваю у двух прелестниц. Они же пролетают мимо меня.

Проводив бабочек глазами, наклоняюсь к благоухающим цветам. Лютики, незабудки и колокольчики неожиданно нагибаются к земле, как бы съёживаются.

– Вы чего? Меня испугались?

– Они боятся, что их сорвут, – слышу тихий шёпот тундры-матушки.

– Не бойтесь, – отвечаю, – мне не нравится любоваться засыхающими в вазе цветами. Я лучше к вам лишний раз заходить буду, можно?

– Можно, а как же! – радостно встрепенулась вся растительность.

Где-то, совсем рядом, зазвучала мелодичная песенка кулика: небось, болотце своё нахваливает, мошкаре радуется. Ах, до чего приятна его музыка – оживил всю тундру весёлыми переливами. Сам махонький, серенький, зато песня яркая, заливиная.

Посижу-ка я на кочке мягкой, подивлюсь красоте тундровой. Сколько раз прихожу, а наглядеться всё никак не могу. Эй, комарьё, не про вас речь идёт! Почему с вами не разговариваю? Ну и наглые – вас никто не звал, а вы эвон какой тучей налетели, не отмашешься.

– Пойду я, красавица, домой, а то меня твои комары съедят, – ласково похлопываю ладошкой по мшистой земле и поднимаюсь.

– Приходи, не забывай, – щекочет нос тёплое солнце, и травинки в такт колышутся – молча соглашаются с приглашением.

– Давай у реки встретимся, там тоже красиво, – журчит ручей.

– Хорошо, – обещаю я, выходя на дорогу к городу.

Все места в тундре красивы, везде можно отдохнуть душой, соприкасаясь с заполярной природой. Только надо разглядеть в северной тундровой неприступности притягательную красоту.